

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 62 (1543)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья А. Нагорного и Н. Конькова «Путин: срок четвертый», опубликованная в газете «Завтра», № 19, май 2018 года.

Вологда
май 2018

Путин: срок четвёртый

Инаугурация, программа, правительство, прогноз

Триумфально продлив по итогам выборов 18 марта 2018 года свои президентские полномочия на новый, уже четвёртый по счёту, конституционный срок, Владимир Путин почти стал в один ряд с такими знаковыми для нашего Отечества властителями, как Иван Грозный, Пётр I, Екатерина II и Иосиф Сталин. Почти, но не полностью, – поскольку предстоящий шестилетний период, судя по всему, окажется самым сложным (хотя, возможно, ещё не последним) в истории его правления. Конфликт между «коллективным Западом» и «путинской» Россией продолжает развиваться по нарастающей траектории, и это развитие происходит настолько стремительно, что его кульминация и развязка вряд ли могут произойти позже 2024 года. Скорее всего – намного раньше. И от того, какими окажутся результаты данного столкновения, будет зависеть не только место действующего российского президента в истории нашей страны, но прежде всего – сама эта история Российского государства. Груз ответственности, лежащий на Путине «здесь и сейчас», чрезвычайно велик, угрозы и риски – запредельно высоки.

Пока в Кремле делают всё возможное, чтобы избежать фронтального столкновения с Западом, то есть прежде всего – с Соединёнными Штатами. Значит ли это, что российский президент (как и его ближайшее окружение) до сих пор надеется избежать такого столкновения, сомневается в его неизбежности? Сегодня всё чаще проводят параллели между Путиным и Сталиным. Но не слишком ли нынешняя ситуация становится похожей на ситуацию перед 22 июня 1941 года? В частности, израильский разведчик Яков Кедми раз за разом на передачах Владимира Соловьёва с отчаянием говорит, что против России объявлена и уже вовсю ведётся тотальная война. Пока – «гибридного» характера. О том же говорят такие американские «диссиденты», как Линдон Ларуш и Пол Робертс. И дело ведь не только в чьих-то словах. Начиная с победы киевского «евромайдана» в феврале 2014 года, линия на конфронтацию с Россией, на подавление, расчленение и уничтожение нашей страны любыми способами и средствами стала доминантой внешней политики США и их союзников.

Как понимает Путин в этих условиях свою задачу и миссию, как оценивает «грузоподъёмность» и управляемость «корабля Россия», предстоящий маршрут его движения, конечную цель и «реперные точки», – вот что выглядело наиболее важным накануне дня 7 мая, на который традиционно была назначена церемония очередной инаугурации Владимира Владимировича – торжественного принесения им президентской присяги.

Инаугурация

Телевизионная трансляция этого события растянулась почти на час. Помимо самой присяги и последующей речи Путина, а также исполнения между ними Государственного Гимна, туда вошли очень долгий (почти на пять минут) показ прохода Владимира Владимировича из своего рабочего кабинета, проезда к Большому Кремлёвскому дворцу на лимузине проекта «Кортеж» в сопровождении эскорта мотоциклистов, встреча с комендантом Кремля генерал-лейтенантом Сергеем Хлебниковым, который обратился к Путину: «Товарищ Президент Российской Федерации», подъём по главной лестнице, а также дальнейший путь к Андреевскому залу под аплодисменты приглашённой «элиты». Такая «картинка» дала возможность зафиксировать и малоподвижность правой руки Путина во время ходьбы, явно не связанную с какими-то функциональными нарушениями физиологического порядка, поскольку в целом её движения не были ограничены, и «старый» номер госрегистрации нового автомобиля, использованного для двухминутной поездки («в 776 ус 77» – как выяснилось, ранее принадлежавший утилизированной «волге» какого-то частного лица), и заминку при поднятии штандарта Президента Российской Федерации над его кремлёвской резиденцией.

Всё это поневоле (или, наоборот – специально?) создавало какой-то дополнительный: то ли символический, то ли конспирологический, – фон для, в общем-то, протокольного мероприятия юридического характера. Главное значение которого состояло в самом факте его проведения по предусмотренной легитимной процедуре, подтверждающей, что «Non rex est lex, sed lex est rex» («Не царь является законом, а закон – царём»).

Единственным содержательно значимым моментом инаугурации можно считать речь Путина после принесения им президентской присяги, где было сказано: «В эти минуты, вступая в должность Президента России, особенно остро осознаю свою колоссальную ответственность... перед всем нашим многонациональным народом, ответственность перед Россией – страной грандиозных побед и свершений, перед тысячелетней историей российской государственности и нашими предками».

Несомненно, хорошо, что президент обратился к истории, к памяти предков – поскольку понятие «народа» не может и не должно ограничиваться одним только ныне живущим поколением. Но жаль, что это обращение получилось односторонне направленным в прошлое и к прошлому, что президент не заявил здесь же о своей ответственности ещё и перед будущими поколениями граждан России, перед нашими детьми, внуками и правнуками.

Без этого все последующие, многочисленные и безусловно важные слова: «Считаю своим долгом и смыслом всей своей жизни сделать всё для России, для её настоящего и будущего – мирного и процветающего»; «Россия должна быть современной и динамичной, должна быть готова смело принимать вызовы времени и так же энергично отвечать на них»; «Путь вперёд не бывает простым, это всегда сложный поиск»; «Нам нужны прорывы во всех сферах жизни»; «рывок»; «устремлённость в будущее»; «двигаться только вперёд»; «нашим детям предстоит строить нашу страну дальше, добиваться ещё больших успехов, чем их родители, уважать и продолжать историю нашего Отечества», – не выглядят концептуально завершённой конструкцией, поскольку не исключают образ человека, если не вообще бегущего «вперёд спиной», то, во всяком случае, «не разбирающего перед собой дороги».

Если же суммировать расставленные Путиным в его инаугурационной речи смысловые приоритеты действий по вектору модальности «из прошлого в будущее», то они будут выглядеть примерно так.

Прошлое:

«Мы научились отстаивать свои интересы, возродили гордость за Отечество, за наши традиционные ценности».

«Россия не раз сталкивалась с эпохами смут и испытаний – и всегда возрождалась,.. достигала таких высот, которые другим были не под силу, считались

недостижимыми, а для нашей страны, напротив, становились новым трамплином, новым историческим рубежом для дальнейшего мощного рывка вперёд».

Настоящее:

«Безопасность и обороноспособность страны надёжно обеспечены».

«Многое, но ещё далеко не всё восстановлено, не все исторические раны залечены, не все потери, сложности преодолены, а жизнь постоянно ставит перед нами новые вызовы, новые непростые задачи... Времени на раскачку нет».

Будущее:

«Россия и дальше будет укреплять своё могущество, а люди будут жить лучше».

«Мы обязательно добьёмся успеха!.. Сделаю для этого всё, что в моих силах».

О будущем судить трудно: «человек предполагает, а Бог располагает», – но всё, что касается прошлого и настоящего, сказано здесь абсолютно верно. Сегодня в российском обществе действительно восстановлена – и здесь заслуги действующего президента неоспоримы и велики – гордость за наши традиционные ценности. Чего пока нельзя сказать о самих ценностях – прежде всего, о такой важнейшей ценности, как социальная справедливость.

Причём «социальная справедливость» – не в понимании 1% «олигархов» от собственности и власти, – для них-то ничего несправедливого в нынешнем статус-кво нет и быть не может, а чем богаче они становятся, тем справедливее оказываются современное российское государство и общество. А для тех 85% «униженных и оскорблённых» граждан РФ, лишённых после 1991 года почти всех своих реальных прав и свобод, которые считают справедливым совсем иное распределение национального дохода и, проголосовав за Путина как за национального лидера, противостоящего внешним и внутренним угрозам, рассчитывают на реализацию хотя бы жизненно важного минимума своих интересов легитимным и мирным путём.

Учитывает ли это и многие другие обстоятельства системно-социального характера новая президентская программа действий, которая содержится в подписанном 7 мая, сразу после инаугурации, Указе «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»?

Программа

Данный указ, принятый «в целях осуществления прорывного научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации, увеличения численности населения страны, повышения уровня жизни граждан, создания комфортных условий для их проживания, а также условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека», буквально напрашивается на сопоставление со знаменитыми «майскими указами» Путина 2012 года. Не будем здесь заикливаться на том, какие из них были выполнены, а какие – нет. В конце концов, всё можно списать на изменившиеся условия, типа украинского «евромайдана», воссоединения Крыма, введения режима санкций, падения обменного курса рубля, начала операции российской армии в Сирии и так далее, до бесконечности: «гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним – ходить!»

Сопоставим только структуру и приоритеты этих программных, по сути своей, документов – уже из этого сопоставления станет ясно, что получилось, что нет, что стало главным, а что ушло на второй или даже на третий план.

Это важно, прежде всего, потому, что «президент Российской Федерации» – не человек Владимир Владимирович Путин, 1952 года рождения, а предусмотренный Конституцией страны орган власти, предназначенный для обеспечения максимальных целостности, единства и оперативности внутри-системного управления и межсистемного взаимодействия. И в данном своём качестве данный орган власти, разумеется, предъявляет определенные «материальные требования» к своему «человеческому носителю», но ни в коем случае к этому носителю и даже к этим требованиям не сводится. Часть данной истины выражается известной фразой: «Короля играет свита», – но только часть. Верно и обратное. В целом же функции этого органа власти являются такими, которые вообще, в принципе – не по силам исполнять одному человеку. И человек, которого избирают президентом, – лишь малый, хотя самый видный и важный, элемент целого органа, осуществляющего указанные выше функции.

Поэтому и тогда, и сейчас подписанные Путиным «майские указы», разумеется, готовились заранее и являются «дорожной картой» действий, как она представлена *Urbi et Orbi* («городу и миру»)

нашей «властной вертикалью». Разумеется, реальная «дорожная карта» может отличаться от представленного обществу («городу») и другим странам («миру») варианта – порой даже «с точностью до наоборот». Но появление такого документа, само собой, не является случайным и позволяет рассмотреть некоторые причины и следствия, а также их взаимосвязи.

Поскольку нынешняя церемония инаугурации прошла в тот же день 7 мая, что и в 2012-м (хотя президентские выборы в тот год состоялись 4, а не 18 марта), и в 2004-м (выборы 14 марта, с пожаром московского Манежа) и в 2000-м (выборы 26 марта), и в этот же день был подписан программный указ, можно сделать вывод, что данная практика признана Путиным в целом (или в каком-то смысле?) успешной, эффективной и «сработавшей» – иначе повторять данный алгоритм действий не было бы никакой необходимости. Единственное изменение – теперь мы имеем дело с одним-единственным указом (к тому же – без номера), а не с одиннадцатью оформленными отдельно «номерными», как это было шесть лет назад.

Тогда речь шла о следующих документах: № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике»; № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики»; № 598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения»; № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки»; № 600 «О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильём и повышению качества жилищно-коммунальных услуг»; № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления»; № 602 «Об обеспечении межнационального согласия»; № 603 «О реализации планов (программ) строительства и развития Вооружённых Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов и модернизации оборонно-промышленного комплекса»; № 604 «О дальнейшем совершенствовании военной службы в Российской Федерации»; № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» и № 606 «О мерах по реализации демографической политики в Российской Федерации».

То есть формальные приоритеты расставлялись (ещё раз напомним, это – весна 2012 года, только что отшумели, к счастью, так и не переросшие в

«снежную революцию» массовые «белоленточные» «болотные» протесты) по следующему ранжиру: проблемы экономики, социального обеспечения, здравоохранения, образования и науки, ЖКХ, госуправления, межнациональных отношений, ОПК и армии, внешней политики и, наконец, демографии.

Что мы видим теперь?

Теперь мы видим следующий перечень приоритетов: демография, рост реальных доходов населения, ЖКХ, технологическое ускорение с «цифровой» компонентой, создание в отечественной экономике высокопроизводительного несырьевого экспортного кластера. И – возвращение к практике «национальных проектов», заявленной в годы президентства Дмитрия Медведева (2008–2012), когда Путин занимал пост премьер-министра:

- демография;
- здравоохранение;
- образование;
- жильё и городская среда;
- экология;
- безопасные и качественные автомобильные дороги;
- производительность труда и поддержка занятости;
- наука;
- цифровая экономика;
- культура;
- малое и среднее предпринимательство, поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы;
- международная кооперация и экспорт.

В данной связи применительно к демографии можно было бы сказать, что «последние стали первыми», а применительно к «экономическому росту», понимаемому как «рост ВВП», – что «первые стали последними», что «наверху» наконец-то признали справедливость тезиса «экономика для человека, а не человек для экономики», но ситуация выглядит куда более сложной и многомерной.

Из перечня проблем, которые предстоит решать России в 2018–2024 гг. при помощи «нацпроектов», исключены: а) оборонные; б) межнациональные; в) госуправления. Надо ли понимать это так, что в данных сферах всё более-менее отрегулировано, системные риски здесь не угрожают национальной безопасности и могут регулироваться уже в штатном порядке? «По умолчанию» предполагается именно это, и образцом, видимо, следует считать российскую армию и отечественный оборонно-промышленный комплекс (ОПК). Нынешняя боеготовность и боеспособность наших Вооружённых

сил, продемонстрированная, в частности, в Сирии, действительно, позволяет говорить о том, что Россия на 15–20 лет обеспечила себе не только военную безопасность, но и – в определённой степени – военное доминирование, что повлекло за собой многочисленные, но пока не вполне очевидные позитивные сдвиги по всему спектру государственных проблем, внутренних и внешних, включая заказы на российское оружие, рост нефтегазовых цен, реализацию программ импортозамещения и т.д. и т.п. Так ли хорошо обстоят дела в сфере межнациональных отношений и государственного управления – вопрос дискуссионный и спорный, но предположим, что президенту и правительству в данном случае виднее. Тем более что в инаугурационной речи Путин заявил, что, несмотря на достигнутые бесспорные успехи в оборонной сфере, внимание к ней и её развитию ослаблено не будет. Но приоритеты смещаются на иные векторы развития.

В первую очередь это касается человеческого потенциала России. И в количественном (демография), и в качественном (здравоохранение, образование, экология, ЖКХ, наука, культура) аспектах. Но здесь проблемы не то что созрели или даже перезрели, а в некоторых моментах уже почти перегнили. Особенно это касается образования, науки и культуры. Многолетнее безраздельное господство здесь представителей прозападного «либерального дискурса» тесно связано с таким же их господством в сфере экономики, поэтому вытеснить «пятую колонну» с одного поля, не вытеснив её с другого, представляется весьма маловероятным сценарием, что, собственно, и подтверждается практикой последних лет. «Национализация» образования, науки и культуры принципиально невозможна без «национализации» экономики, без той или иной формы подчинения крупных её субъектов государственным и общественным национальным интересам.

Но как раз об этом речи пока на уровне президентского указа не идёт. Самое большее, на что здесь можно (причём весьма туманно) рассчитывать, – это на возможность формирования некоего современного варианта социально-экономического и социально-политического абсолютизма, при котором верховная власть в союзе с новыми сетевыми структурами «цифровой экономики» (малое и среднее предпринимательство как аналог ремесленной и торговой буржуазии XVI–XVII веков?) будет ограничивать права «крупных феодалов»-олигархов,

тем самым способствуя развитию высокотехнологических и экспортно ориентированных «кластеров» по примеру китайской политики «открытых дверей» образца 70-х–80-х годов XX века.

«Безопасные и качественные автомобильные дороги» в этом контексте выглядят разве что «сахарной костю», бросаемой региональным «элитам» (и части федеральной «элиты»).

А вот с «нацпроектом», обозначенным как «производительность труда и поддержка занятости», вообще никакой ясности нет – прежде всего, потому, что в нынешней системе экономики показатель «производительности» рассчитывается по денежной цене проданных товаров или услуг, а не по факту их реального потребления, что ведёт к катастрофическим последствиям для торгового и платежного баланса российской экономики. Впрочем, «если звёзды зажигают – значит, это кому-нибудь нужно». Кому? Спросите у Лившица. Или у Чубайса. Или у Кудрина, которого, кстати, назначили теперь главой Счётной Палаты РФ.

Впрочем, оценке персонального состава российского правительства, которому предстоит реализовать новую президентскую программу, специально посвящен следующий раздел этой статьи. Здесь же отметим, что ресурсно-финансовое обеспечение задач «майского указа» 2018 года вообще не определено. 10 триллионов рублей? Нет, 8 триллионов рублей? А почему не 6 или не 12? Не говоря уже об их источниках. Нет, вполне вероятный рост мировых цен на энергоносители выше 100 долл. за баррель нефти, конечно, способен, на пару с новым снижением обменного курса рубля, с лихвой решить эту проблему, но реальное планирование и исполнение планов, видимо, предполагается максимум в ежегодном, если не ежеквартальном «горячем» режиме.

Отдельной темой является и поставленная Путиным задача вывести к 2024 году российскую экономику минимум на пятое место в мире – опять же, без указания той «системы координат», в которой данная задача должна решаться. Потому что, например, по ВВП, рассчитанному на основе обменного курса российского рубля к доллару США («номинал») наша страна по итогам 2017 года занимает 11-е место в мире с показателем 1,577 трлн долл., уступая даже Канаде. А по ВВП, рассчитанному на основе паритета покупательной способности (ППС), – уже 6-е, с показателем 4,008 трлн долл., совсем немного «не дотягивая» до Германии (4,171 трлн долл.). А по объёму

реального сектора производства товаров и услуг – мы уже вообще четвертые в мире... Так спрашивается, «сколько вешать в граммах?»

Не стоит рассматривать эти моменты как некую недоработку или некомпетентность президента и его команды. Одним из фундаментальных принципов путинской политики является сохранение и расширение максимума «степеней свободы» для дальнейших своих действий: личных или совместных. Так и здесь: если у президента с правительством в дальнейшем всё будет по-прежнему хорошо, ВВП можно посчитать «по паритету» – тогда поставленная задача выполнена, а если не всё хорошо, то ВВП, напротив, можно посчитать «по номиналу» – тогда задача провалена, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Правительство

Изменения в новом составе российского правительства произошли, но в основном они свелись не к устранению «отыгранных» или появлению «свежих» фигур (хотя и без этого не обошлось), а к «рокировкам» внутри кабинета министров. Вся эта живописная чехарда со сменой кресел и кабинетов в Белом доме при взгляде снаружи кажется очередной иллюстрацией к знаменитой крыловской басне «Квартет» с известной моралью: «А вы, друзья, как ни садитесь, всё в музыканты не годитесь!» Но...

Можно было бы сказать, что главной интригой является сохранение Дмитрия Медведева на посту премьер-министра, но это, судя по всему, «интрига напоказ». Трудно сказать, насколько это переназначение связано с параллельными отставками первого вице-преьера Игоря Шувалова и вице-преьера Аркадия Дворковича, которые занимали ключевые позиции в «команде» Дмитрия Анатольевича. Но понятно, что в результате реальная сфера влияния Медведева значительно сократилась. О том же свидетельствует и назначение Алексея Кудрина на пост председателя Счётной Палаты РФ, с которого «рулить» образованием и здравоохранением вместо Ольги Голодец (пока назначена заниматься культурой и спортом) отправилась Татьяна Голикова. «Ушли» также один из фигурантов скандала «Рыбка–Дерипаска» Сергей Приходько, руководитель аппарата правительства в ранге вице-преьера (его сменил в этом кресле начальник контрольного управления президента РФ и однокурсник Медведева Константин Чуйченко); вице-премьер Дмитрий

Рогозин, курировавший ОПК (его полномочия переданы Юрию Борисову, которого называют одним из ведущих идеологов и организаторов Российской армии «нового типа»), и вице-премьер «широкого профиля» Александр Хлопонин.

Трудно назвать «новыми лицами» в правительстве вице-преьера Алексея Гордеева, который будет отвечать за хорошо знакомую ему еще в бытность министром сельского хозяйства (1999-2009) и губернатором Воронежской области (2009-2017) аграрную отрасль, и Максима Акимова, ранее – заместителя Сергея Приходько, а ныне – вице-преьера по вопросам транспорта и связи.

«Наследие Дворковича» оказалось разделено между Дмитрием Козаком (промышленность и энергетика), а также упомянутыми выше Максимом Акимовым и Алексеем Гордеевым. Виталия Мутко «перебросили» с полностью проваленной им спортивной проблематики на строительство.

На самом деле важнейшее изменение в правительстве РФ образца 2018 года заключается в том, что кресло первого вице-преьера, освобождённое Игорем Шуваловым, с сохранением за собой поста министра финансов, занял Антон Силуанов. Тем самым в российской «властной вертикали» сформировалась и выдвинулась на первый план мощнейшая политическая связка Силуанов–Кудрин (или Кудрин–Силуанов), на значении, возможностях и «функционале» которой следует остановиться отдельно – она этого вполне заслуживает.

Вообще, кадровую хватку Алексея Леонидовича не стоит недооценивать. В общем-то, и к выходу самого Путина на федеральную политическую орбиту после поражения Собчака в Питере в 1996 году он приложил свою руку, а де-юре – вообще сыграл решающую роль. Его бывшие заместители Антон Силуанов и Татьяна Голикова вот уже более десяти лет постоянно находятся на самых высоких постах в российской «властной вертикали». К данному блоку, в принципе, примыкает и связка Германа Грефа (Сбербанк) с Эльвирой Набиуллиной (ЦБ РФ).

Теперь же их влияние там становится едва ли не доминирующим, поскольку совместными усилиями они могут «сканировать» любое министерство и ведомство, вплоть до разведки и армии, не говоря уже о структурах попроще. Конфликт 2011 года, когда Дмитрий Медведев уже в качестве путинского премьера на президентский пост со скандалом добился отставки «чересчур влиятельного» Алексея Кудрина

со всех правительственных постов, теперь может получить (и, судя по всему, с арестом братьев Зиявудина и Магомед Магомедовых – уже получил) своё продолжение. К тому же, заняв пост председателя Счётной Палаты, Кудрин находится вне досягаемости премьер-министра, зато может наносить удары по его «зоне влияния».

Впрочем, не это – главное. Главное в том, что теперь баланс приоритетов российской «властной вертикали» и – уже как следствие – баланс сил внутри неё, явно смещаются в сторону финансовых операций. Причём расчистка и расширение соответствующих «каналов», похоже, предстоят в грандиозных масштабах, выходящих далеко за пределы текущих и даже обозримых в перспективе потребностей национальной экономики РФ. С чем это связано: планами масштабной и системной модернизации отечественного производственно-технологического кластера, формирования на российской базе нового глобального «банковского хаба», созданием «зоны рубля», усилением работы *singency board* и «нефтедолларового насоса» или чем-то ещё, – покажет время. Главным индикатором здесь будет объём и структура золотовалютных резервов страны, а также вывоз из неё капитала. Если десятки миллиардов долларов будут по-прежнему вкладываться в государственные и корпоративные «ценные бумаги» наших западных «партнёров», да ещё без всякого экономического смысла, выступая при этом в качестве инструмента для нормализации отношений с ними, – о развитии отечественной экономики можно будет забыть навсегда. Впрочем, о дальнейшем опережающем оснащении наших силовых структур – тоже.

Факт состоит в том, что теперь в кремлёвских и правительственных «верхах» осталось только два «центра силы»: указанный выше «кудринский» финансовый блок и «силовики», координирующие свои действия непосредственно с Верховным главнокомандующим. Таким образом, ближайший период может стать для российского правительства периодом сильнейшего столкновения между военно-силовой группой во главе с Шойгу–Чемезовым и финансовыми либералами-«западниками» во главе с Кудриным. Впрочем, здесь мы уже переходим к заключительной, прогнозной части настоящей статьи.

Прогноз

Судя по тому, что в целом новый состав правительства повторяет старый, речи о смене социально-

экономического курса и переходе к мобилизационному проекту не идёт. Более того, такой переход видится маловероятным и в перспективе ближайших 5-10 лет – если только наши западные партнёры во главе с США не начнут трансформацию нынешней «гибридной» войны против России в традиционную «горячую» – например, руками киевской хунты или «исламистских» террористических структур. Из этого следует вывод, что Путина, несмотря на все его алармистские заявления, в целом устраивает нынешний ход событий и внутри страны, и на международной арене. А следовательно, он не видит нужды «менять коней на переправе». Даже – откровенно троянских.

Поэтому невнятный или даже полностью фиктивный «рост экономики» на официальном уровне 1–1,5% в год, стагнация или даже снижение реальных доходов подавляющего большинства населения страны при росте их «среднестатистического» уровня за счёт стремительного обогащения ничтожного по численности (до 5%) меньшинства, технологическая стагнация и рост безработицы выглядят едва ли не самым вероятным из возможных сценариев на период 2018–2024 годов.

Скорее всего, это будет происходить на фоне борьбы Путина за сохранение геополитического пояса безопасности России в виде установления дружественных режимов в государствах «постсоветского пространства». Борьбы, которая, как свидетельствует опыт Грузии, Украины и Молдавии, а теперь – и Армении, будет вестись, в лучшем случае, в режиме «активной обороны», без целей разгромить противника и добиться окончательной победы. Тем более что «образ врага» и «негативный пример» соседних стран, попавших в ловушку «цветных революций», в немалой степени способствуют усилению

поддержки власти со стороны российского общества. Уже сейчас отчётливо видна перспектива анти-российского дрейфа оставшихся у нас союзников, включая Белоруссию и Казахстан, не говоря уже про Киргизию, Таджикистан, Туркмению и Узбекистан. Более-менее стабильными выглядят отношения с Азербайджаном, но и они, в случае нового обострения карабахского конфликта, могут оказаться под угрозой. Для того, чтобы сломать эти сценарии, России нужна новая, наступательная идеология, основанная на принципах прогресса и социальной справедливости, а также соответствующий этой идеологии порядок жизнеустройства государства и общества, который вызывал бы у окружающих Россию этнополитических структур стремление к подражанию и присоединению. Но для этого, конечно, нужно не менять шило на мыло в российских «верхах», а заниматься выверенной трансформацией отношений власти и собственности внутри страны. Нынешнее правительство, по-прежнему составленное, в основном, из прозападных либералов, разве что не настолько радикальных, как Шувалов, Дворкович, Трунов и Ко, приспособлено к решению данной задачи примерно так же, как ржавый лом – к полёту в космос. А там, где нет энергий созидания, начинают действовать энергии распада. Следовательно, непоследовательность и «раздвоенность» стратегического курса руководства РФ, скорее всего, будет продолжаться, усугубляя и без того сверхсерьёзные российские экономические, финансовые и военно-политические проблемы нашей страны.

**Александр Нагорный,
Николай Коньков**